

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКИ VII и VIII.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Камчадалы.	5. Амурские тунгузы.
2. Чукчи.	6. Татари.
3. Коряки.	7. Узбеки.
4. Буриаты или Айносы.	

Четыре хронолитогравированных рисунка и гравюры.

Съ выходомъ VII и VIII выпусковъ прекращена подписка по уменьшенной цѣнѣ.

Цѣна за все изданіе съ 32 хронолитогравіями.

- 1) Въ альбомномъ форматѣ 10 р., съ перес. 12 рублей.
- 2) Въ книжномъ форматѣ 8 р., съ перес. 10 рублей.

С-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.

1880.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЪБОМЪ.

ВЫПУСКЪ VII и VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 августа 1880 года.

XLVIII. КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы, древнѣйшіе обитатели полуострова Камчатки, въ настоящее время значительно уменьшились численностью вслѣдствіе огромнаго процента смертности между ними и отъ постоянного вторженія свирѣпыхъ сосѣднихъ племенъ, особенно коряковъ и ламутовъ, или тунгусовъ, привлекаемыхъ въ ихъ страну богатыми пастбищами, которыми изобилуетъ западная часть полуострова. Кромѣ этого, они настолько утратили свой первобытный характеръ, по причинѣ слиянія своего съ русскими и ссыльными другихъ націй; что, говоря о нихъ, не можетъ быть и рѣчи, какъ о народѣ самобытномъ. Они почти совсѣмъ отстали отъ туземныхъ нравовъ и обычаевъ, которые даже успѣли и позабыть, не усвоивъ, впрочемъ, окончательно русскихъ нравовъ, хотя они у нихъ могутъ считаться господствующими. Появленіе первыхъ русскихъ, проникнувшихъ въ Камчатку, произошло въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII; это были казаки изъ Якутска, поселившіеся около устья рѣкъ Камчатки, Тыгила и Большой. Въ короткое время число этихъ поселенцевъ быстро возросло, вслѣдствіе чего въ Камчаткѣ образовали особое управленіе всѣмъ краемъ, которое позднѣе было перенесено

въ Петропавловскъ, и подчинено военному губернатору. Послѣ Крымской кампаніи 1854 года Петропавловскъ пересталъ быть столицей Камчатской области, которая въ настоящее время входитъ въ составъ Приморской области, вновь созданной, главный городъ которой Владивостокъ. Одновременно съ Приморской областью была образована область Амурская, по договору, заключенному съ Китаемъ въ 1858 году. Россія обязана приобрѣтеніемъ этой огромной территории проницательному уму тогдашняго генераль-губернатора Восточной Сибири, Муравьева, возведеннаго за это въ графское достоинство, съ прибавленіемъ къ титулу его «Амурскаго». Собравъ наиболѣе точныя и необходимыя свѣдѣнія о новомъ краѣ чрезъ посредство одного опытнаго моряка, энергичнаго Невельскаго, Муравьевъ задумалъ пройти Амуръ на судахъ вплоть до самаго его устья. Смѣлая попытка его удалась. Тогда онъ, прежде всего, учредилъ на лѣвомъ берегу рѣки казачьи пикеты, а затѣмъ устроилъ небольшія колоніи, которыя теперь простираются уже до праваго берега р. Уссури и по этой рѣкѣ.

Русское правительство, въ видахъ наибольшаго распространенія земледѣлія въ Камчаткѣ и увеличенія народонаселенія, вымиравшаго отъ оспенной эпидеміи, сочло необходимымъ посылать время отъ времени въ эту область поселенцевъ съ береговъ р. Лены, которые и основывали мало по малу небольшія деревни.

Камчатка, по своему географическому положенію, на краю континента и по суровости своего климата имѣетъ почву неблагоприятную для занятія земледѣліемъ; цѣпь вулканическихъ горъ, идущая вдоль всего полуострова, дѣлаетъ почву бесплодною, а на восточной оконечности его образуются такія массы снѣга, что онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже никогда не таятъ. Поэтому только западныя долины и мѣстность возлѣ р. Камчатки, пользующіяся болѣе теплымъ климатомъ въ сравненіи съ другими частями полуострова, удобны для воздѣлыванія картофеля и нѣкоторыхъ другихъ овощей.

Здѣсь только олени находятъ безъ большаго труда, подъ легкимъ слоемъ снѣга, мохъ, необходимый для ихъ пропитанія. Запасъ сѣна на зиму, при подобныхъ условіяхъ, почти невозможенъ, а вслѣдствіе этого и скотоводство не можетъ процвѣтать въ этой суровой странѣ.

Изъ 6,000 жителей Камчатки не болѣе 2,000 туземцевъ, а остальные русскіе. Кровные камчадалы, т. е. тѣ, которые въ небольшомъ числѣ говорятъ, худолы, хорошо-ли, на своемъ родномъ языкѣ, должны считаться коренными обитателями Восточной Сибири, хотя наружность ихъ носить на себѣ замѣтный отпечатокъ монгольской расы. Всѣ они православные и вмѣстѣ съ религіею усвоили себѣ языкъ русскій и русскіе нравы.

ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ ПОРТЪ ВЪ КАМЧАТКѢ.

Камчадалы характера мягкаго и добраго; тѣлосложенія слабаго; живутъ крайне бѣдно вслѣдствіе упадка промышленности и небрежности ихъ въ занятіи рыбной ловлею, которое могло бы обогатить

ихъ, а также и вслѣдствіе постоянно возрастающей у нихъ страсти къ произведеніямъ цивилизованныхъ странъ, какъ-то: къ табачку, чаю, къ европейскимъ нарядамъ. Благодаря этой страсти къ предметамъ роскоши, они постоянно въ долгу у купцовъ - барышниковъ, которые обманываютъ ихъ на каждомъ шагѣ. Отчасти долги эти дѣлались и потому, что въ прежнее время доставка предметовъ первой необходимости изъ Восточ-

ной Сибири черезъ портъ Аянъ обходилась страшно дорого. Чтобы имѣть понятіе о цѣнахъ на предметы первой необходимости, доста-

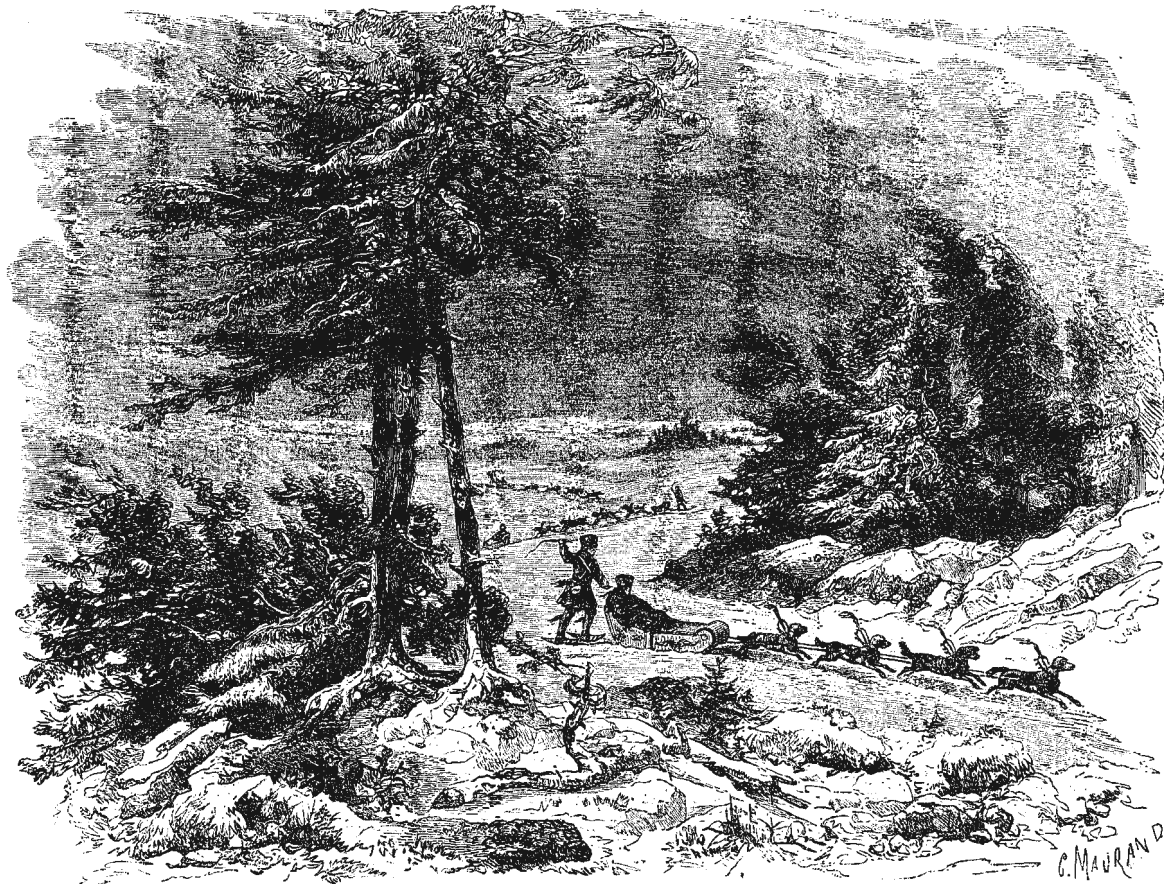
точно будетъ сказать, что въ 1843 году пудъ пшеничной муки стоилъ въ Петропавловскѣ 14 руб., ячмень 4 руб., рисъ — 4 руб., свѣчи — 20 руб. пудъ, сахаръ — 60 руб., ситецъ отъ 60 до 90 к. за арш. Съ приобрѣтени- емъ нами Амур- ской области дѣ- ны на все значи- тельно понизи- лись.

Коряки и ла- муты, или тунгу- сы — кочевники съ каждымъ годомъ все въ большемъ числѣ прибыва- ютъ въ Камчатку со своими стада- ми; но камчадалы не соперничаютъ съ ними въ этомъ промыслѣ, а до- бываютъ себѣ про- питаніе главнымъ образомъ рыбной ловлею и охотою. Они употребля- ютъ въ пищу мя- со животныхъ и птицъ несравнен- но меньше, чѣмъ эти кочевники, и довольствуются по боль- шей части рыбою и молочными продуктами, можетъ быть даже и въ

видахъ экономіи пороха и свинца и во избѣжаніе утомленія, всегда сопряженнаго съ охотою. Лѣса Камчатки изобилуютъ всякаго рода звѣремъ; охота на пушныхъ звѣрей бываетъ чрезвычайно прибыльна

зимомъ; она и слу- житъ для тузем- цевъ главнымъ и почти исклю- чительнымъ предме- томъ торговли. Камчадалы зани- маются съ любо- вью разведеніемъ и воспитаніемъ собакъ, которымъ живется у нихъ несравненно луч- ше чѣмъ прочимъ домашнимъ жи- вотнымъ, какъ напр. лошадямъ и быкамъ. Камчат- скія собаки зака- лены въ далекихъ путешествіяхъ и, не смотря на дур- ныя дороги и нер- ровную почву, бѣгутъ безъ-уста- ли большія про-

странства. Онѣ мало отличаются отъ крестьянскихъ дворовыхъ со- бакъ; но камчадалы совершенно передѣлали на свой ладъ этихъ жи-

ВЪДА НА СОВАКАХЪ ВЪ КАМЧАТКѢ

вотныхъ: они приучили ихъ и къ иной пищѣ и къ иному обращенію и къ своеобразному способу дрессировки. Изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки лучше и по быстротѣ бѣга; онѣ такъ горячи, что часто на бѣгу повреждаютъ себѣ члены и отъ чрезмѣрныхъ усилій шерсть ихъ нерѣдко бываетъ покрыта потоми и кровью. Онѣ очень сильны: четыре собаки могутъ везти троихъ людей вмѣстѣ съ ихъ багажемъ и дѣлаютъ отъ 30 до 40 верстъ въ день по дурнымъ дорогамъ и до 80 верстъ по хорошей дорогѣ. Если даже въ Камчатку когда-нибудь проникнетъ образованіе и жители ея сдѣлаются болѣе развитыми, нежели теперь, всетаки мѣстныя и климатическія условія не измѣнятся и заставятъ всегда предпочитать ѣзду на собакахъ всякой другой ѣздѣ. Привязанность и любовь камчадаловъ къ своимъ собакамъ также велика, какъ въ иныхъ странахъ къ лошадямъ; за хорошихъ собакъ платятъ очень дорого. Способъ воспитывать и дрессировать собакъ специально для ѣзды и для упряжи не могъ не остаться безъ вліянія на развитіе природныхъ качествъ у этихъ животныхъ. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, съ длинными ушами, съ острой мордою, съ широкою спиною, съ большой головою и живымъ темпераментомъ. Какъ только онѣ начинаютъ смотрѣть на свѣтъ (при появленіи на свѣтъ), ихъ держатъ въ темныхъ ямахъ до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выучеными уже собаками, и такъ какъ видъ новыхъ предметовъ поражаетъ ихъ и даже наводитъ нѣкоторый страхъ на нихъ, то онѣ и рвутся впередъ и тащатъ изо всѣхъ силъ неприсохливый экипажъ камчадала. Затѣмъ ихъ опять сажаютъ въ темную яму и повторяютъ вышеописанную операцію до тѣхъ поръ, пока онѣ поймутъ то, что отъ нихъ требуется. Возжи привязываютъ къ ошейнику, потому что собакъ можно запретъ только какъ нибудь врасплохъ и то съ нѣкоторой уловкою, при этомъ они начинаютъ выть и отбиваться изо всѣхъ

силъ и продолжаютъ это во все время, пока ихъ запрягаютъ. Но какъ только собаки пускаются въ дорогу, онѣ умолаютъ и бѣгутъ съ такой быстротою, что приходится удивляться ихъ необыкновенной силѣ и ловкости, особенно въ мѣстахъ опасныхъ, гдѣ онѣ бѣгутъ съ чрезвычайной быстротою и часто заставляютъ хозяина выпрыгивать изъ саней, иначе онъ рискуетъ сломить себѣ шею. Хорошая собака-проводникъ необходима въ дорогѣ: отъ нея требуется только послушаніе и хорошее чутье. Если у упряжной собаки ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединяется еще и сила, тогда ей дѣны нѣтъ. Камчадалъ садится обыкновенно на передокъ саней, вытянувъ ноги; внѣ онъ употребляетъ весьма рѣдко, иначе собаки перегрызутся; съ ними можно обходиться и безъ вѣвута: онѣ понимаютъ голосъ хозяина. Эти полезныя животныя пользуются отдыхомъ и свободою только во время короткаго лѣта, которое онѣ проводятъ по берегамъ рѣкъ, питааясь рыбою, которую онѣ умѣютъ ловить съ замѣчательною ловкостью. Когда онѣ ужъ сыты, тогда довольствуются только однѣми рыбьими головами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ собакъ собираютъ домой съ подножнаго корма, и чтобы побавить съ нихъ жиру, даютъ имъ ѣсть очень мало: зимою ихъ кормятъ только соленой, сушеной и гнилой рыбою. Отъ такой пищи онѣ дѣлаются голодными и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными въ ѣздѣ, но весьма мало привязанными къ своимъ хозяевамъ.

Камчадалы говорятъ на трехъ нарѣчіяхъ и раздѣляются на нѣсколько группъ или племенъ.

Такъ прежде всего внутри полуострова и по рѣкѣ Камчаткѣ живутъ камчадалы — потомки древнѣйшихъ туземцевъ этого края. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они говорятъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, а въ другихъ на своемъ родномъ, но до крайности исковерканномъ языкѣ.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ камчадаловъ — курильцевъ изъ Большерѣцка, которые живутъ въ разныхъ деревушкахъ въ западной ча-

сти полуострова, начиная отъ южной оконечности его почти совсѣмъ необитаемой и вплоть до 55 градуса широты. Эти племена почти всегда говорятъ на своемъ національномъ языкѣ, но съ незначительною примѣсью русскихъ словъ. Камчадалы, живущіе въ восточной части полуострова Камчатки, искажаютъ свой языкъ примѣсью курильскихъ словъ, которыя исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Наконецъ послѣднее племя камчадаловъ, называемое пенсинскими, разбросано по разнымъ деревушкамъ сѣверной части Камчатки. Это племя сохранило употребленіе туземнаго языка во всей его первобытной чистотѣ, за исключеніемъ сѣверной окраины, гдѣ уже слышится примѣсь корякскихъ словъ.

XLIX. ЧУКЧИ.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконечности Азіи, отъ Чаунской губы до Берингова пролива съ одной стороны, и отъ рѣки Анадыря и верховьевъ Сухаго Анюя до Ледовитаго моря, съ другой.

Изъ всѣхъ племенъ сѣверной Азіи, чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ шкуръ; чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствіе жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги русскихъ значительно ослабили эти междусобія и сблизили враждовавшія племена.

Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и

долго не имѣли никакихъ сношеній съ чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣря русскимъ, чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества; но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе и нынѣ приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, къ русскимъ, для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно юкагирамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чукчи постепенно покератся и совершенно сольются съ русскими.

Чукчи переходятъ съ мѣста на мѣсто; но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Они собираютъ запасы, и только скудость пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ могутъ принудить ихъ перемѣнить жилище. Наклонность чукчей къ осѣдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда чукчей, широкая, неуклюжая куклянка и длинныя мѣховыя шаровары, приспособлены къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій санаяхъ (родъ кафтана, или стариннаго фрака) соотвѣтствуютъ безпрестанной подвижности тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью.

Въ прежнія времена чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и нагорныя страны и поселились на берегахъ моря.

Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на осѣдлыхъ или бе-

реговыхъ, и на оленныхъ или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржевые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленинныя кожи и готовыя платья.

Осѣдлые чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестилахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленью шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ круглое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служ она и кухнею, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мо- облитый жиромъ. Вообще чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ребра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Пища чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со слѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую вытягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться

должно быть дорого, всё кушанья подаются совершенно холодныя, а включеніе сѣдается даже большой кусокъ смерзагося снѣга. Врангелю часто случалось видѣть, что, при 30° и болѣе мороза, чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Одинъ богатый старшина пригласилъ къ себѣ Врангеля, который такимъ образомъ описалъ трапезу чукчей.

«Я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь чукчей; но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ описаннымъ выше образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго воющаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ чукчей! Жена и семнадцатилѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ, волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли *) и, прибавивъ къ тому порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяйинъ мой руками набилъ себѣ въ ротъ мисо съ китовымъ жиромъ, превознося ломаннымъ русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены готовить китовый жиръ такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посѣщеніе, снѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько

*) Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не любятъ и не употребляютъ соли.

дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣтриваніе. Леугъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ чукотскихъ старшинъ, и по его житію можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ чукчей. Удивительно, какъ, при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ этотъ остается сильнымъ и здоровымъ».

Главное занятіе береговыхъ жителей составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличиться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно выползаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, приерѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкой однообразной шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его вощемъ. Этотъ способъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливадается водою до тѣхъ поръ, пока не покрывается весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается это средство.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ чукчей хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, а жиръ иногда служитъ вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишекъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ чукчи орудіе, употребляя его вмѣсто пещи для ломки льда и рытья замерзшей земли; но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ вѣковой торговли съ оленными чукчами, передающими ихъ русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди непреступныхъ льдовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей — родъ сѣтей, изъ длинныхъ и узкихъ ремней, съ камнями, или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и, запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ — копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не по

парно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе колымскихъ и камчатскихъ.

Сначала они переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и, намѣнявъ тамъ мѣховъ и моржевыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ.

Мѣха, привозимые чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржевые ремни и клыки, и все, что чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санныя полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружіе и американскія одежды, но какъ такія товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ-то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголь, мѣдной, жестиной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но, вслѣдствіе запрещенія правительства, эти предметы не являются открыто въ оборотъ, а вѣроятнo только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ чукчей, собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена изъ за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки приѣзжаютъ сюда многочисленными толпами, частію на соба-

ЧУКЧИ.

КАМЧАДАЛЪ.

кахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ эти народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянныя полозья для саней, которые съ выгодой сбываются чукчамъ на мѣхъ. Различіе одеждъ, фізіономій и пріемовъ пріятно разнообразить и оживляетъ видъ торга.

Самый ходъ ярмарки описывается Врангелемъ слѣдующимъ образомъ:

«Февраля 10-го собрались русскіе купцы и чукотскіе старшины въ крѣпость, къ комиссару, прослушать правила, которыя должны быть наблюдаемы при торгѣ и, съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Последнее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 17 лисьихъ и 20 кунныхъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить извѣстную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

«Февраля 11-го, когда комиссаръ собралъ съ чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершилось въ часоу торжественное богослуженіе и молебствіе *) о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Русскіе и другіе посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-

*) Къ сожальнію, шаманское богослуженіе чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

естественная сила схватываетъ русскую сторону и бросаетъ старыя и молодыя, мужчинъ и женщинъ, шумною, безпорядочною толпою, въ ряды чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшитъ первый подойти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются русскіе. Обвѣшанные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однѣхъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ: онъ тотчасъ вскакиваетъ и, съ не покрытою головою и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью русскихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копыя, у саней своихъ и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ *); если торгъ вается имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, даетъ имъ на торгѣ большое преимущество передъ русскими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куніцу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

*) На Островской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ безпорядочной смѣси русскихъ, чукотскихъ, якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

«Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, чукчи начинаютъ обратный путь, а русскіе и другіе посѣтителы ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣеть, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга сибирская мятель налетитъ на Островное, — оно исчезнетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устраивается цвѣтушій торговый городъ».

На ярмаркѣ же въ Островномъ видѣлъ Врангель и забавы чукчей, которыя описываетъ онъ такимъ образомъ:

«Старшина Макомокъ пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтителы ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные клыка. По данному знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять этимъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

«Послѣ того бѣгали въ запуски — въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому что чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проверно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое одобреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоящее изъ вареной оленьины, разрѣзанной на мелкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при

играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ, и каждый велъ себя тихо и благопрістойно.

«На другой день большое общество чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разноцвѣтнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, по въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представте себѣ пятнадцать и болѣе закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. вмѣсто музыки, нѣсколько чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танецъ, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, не посвященные въ таинства чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакоже, что онѣ дѣлали дѣйствительно нечеловѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача, предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну».

Многіе чукчи крещены, но и крещеные они остаются язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія.

Вообще крещеные чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ напр., не смотря на крещеніе, богатые чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они

по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается со своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домою.

Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто свирѣпы. Такъ на примѣръ, сохранилось у нихъ противуестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи преносить трудовъ кочевой жизни. Такъ отецъ старшины Валетки, соскуча жизнью и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при этомъ дѣйстви исполняли, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще приобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ чукчами.

Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Кочень, одинъ изъ почтеннѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Кочень былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки,

угрозы и можетъ быть побой*), не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Кочень, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ, добровольно пожертвовать своею жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась, съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемымъ проклятіемъ, возилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Когда кочующія племена получаютъ осѣдлость и наставленія, и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать—тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь христіанство.

*) Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отиѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

Л. К О Р Я К И.

Коряки—непосредственные сосѣди чукчей-кочевниковъ сѣвера, одного съ ними происхожденія и имѣютъ съ ними сходство почти во всѣхъ отношеніяхъ. Они пользуются сообща и нельзя сказать, что безъ зависти, звѣриной ловлей и пастищами, обиліе которыхъ завлекло въ послѣднее время ламутовъ далѣе Камчатки. Коряки относятся къ этому общему пользованію дарами природы менѣе завистливо, чѣмъ чукчи, которые дошли уже до Пенжинскаго пролива.

Лицо у коряковъ по большей части круглое, иногда, впрочемъ, можно встрѣтить и продолговатыя лица, но только между мужчинами; цвѣтъ кожи у нихъ темно-желтый, но у женщинъ нѣсколько нѣжнѣе и бѣлѣе. Носъ не кажется особенно приплюснутымъ, потому что скулы не особенно выдаются, иногда даже встрѣчаются мужчины съ орлинымъ носомъ. Лобъ скорѣе высокій, чѣмъ низкій. Подбородокъ по большей части круглый у всѣхъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ острый. Глаза узкіе и почти всегда темные. Уши немного отстоятъ отъ головы, ротъ большой, губы красныя и не очень толстыя. Верхняя губа нѣсколько удлинена и придаетъ лицу нѣко-

торое выраженіе. У коряковъ почти нѣтъ бороды: они даже почти совсѣмъ безбородые, и вырываютъ бороду, когда она растетъ; волосы у нихъ черные, блестящіе, прямые, густые и мягкіе. Женщины отличаются красотой и густотой волосъ, которые онѣ заплетаютъ въ двѣ косы; мужчины стригутъ волосы очень коротко и оставляютъ расти только одинъ кружокъ вокругъ головы. Очень рѣдко мужчины носятъ длинные волосы: въ такомъ случаѣ они ихъ заплетаютъ.

Коряки по своему сложенію существенно отличаются отъ своихъ западныхъ сосѣдей—тунгусовъ. Они не походятъ на ламутовъ ни гибкостью оконечностей, ни узкими плечами. Коряки обыкновенно средняго роста, хорошо сложены и сильны. Женщины у нихъ маленькаго роста, толстыя; и, какъ почти у всѣхъ сибирскихъ жительницъ, руки и ноги у нихъ отличаются изяществомъ формъ. Не смотря на различное устройство головы и туловища между ними и ихъ западными сосѣдями, коряки и чукчи составляютъ съ одной стороны переходъ къ уцѣлѣвшимъ сосѣднимъ народамъ юга (камчадаламъ, гиллякамъ и курильцамъ), а съ другой стороны—къ народамъ востока—эскимосамъ и алеутамъ, которыхъ считаютъ японскаго происхожденія.

Обычай татуированія менѣе распространенъ между коряками, нежели чукчами; онъ только въ употребленіи у замужнихъ женщинъ, которые надѣются сгладить съ помощью его слѣды времени.

Кромѣ своего роднаго языка, очень, впрочемъ, бѣднаго и господствующаго въ сѣверо-восточной Сибири, коряки изрѣдка говорятъ на языкѣ чукчей, отчасти знакомомъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ. Русскіе съ береговъ Тыгила должны говорить на корякскомъ языкѣ: имъ необходимо знать его для заключенія торговыхъ сдѣлокъ, равно какъ для колымскихъ жителей необходимо понимать языкъ чукчей. Корякскій языкъ неблагозвучный; но такъ какъ онъ бѣденъ словами, то ему научиться не трудно.

Коряки, подобно чукчамъ, раздѣляются по мѣсту жительства и

образу жизни на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Последніе подраздѣляются на четыре племени, говорящіа разными нарѣчіями. Кочевники говорятъ на своемъ особомъ нарѣчіи.

Коряки, живущіе по берегамъ рѣкъ, кочевники, которые, благодаря постояннымъ войнамъ съ чукчами, разорились, лишились своихъ стадъ и впали въ страшную нищету. Образомъ жизни они похожи на камчадаловъ. Постоянныя сношенія съ русскими и камчадалами значительно измѣнили ихъ первобытный характеръ.

Согласно указаніямъ одного извѣстнаго ученаго, и мы раздѣлимъ осѣдлыхъ коряковъ слѣдующимъ образомъ:

Племя — каментзесъ, поселившееся по сѣверному берегу Пенжинскаго пролива въ числѣ 230 душъ, живетъ въ землянкахъ, въ которыя входъ, служащій въ то же время и трубою, устроенъ на крышѣ. Они еще язычники, и отъ природы характера безпокойнаго, свирѣпаго и кровожаднаго, но, тѣмъ не менѣе, платятъ подати русскому правительству. Существова исключительна охотою на звѣрей и морскихъ животныхъ, они очень искусны въ этомъ промыслѣ; ловля морскихъ звѣрей требуетъ особой ловкости и сноровки; на морскую охоту они отправляются на маленькихъ лодочкахъ, называемыхъ байдарками, которыя очень легки и могутъ быть переносимы по сушѣ. Это племя коряковъ извѣстно также своимъ искусствомъ въ кузнечномъ мастерствѣ.

Другое племя, называемое паллентзесъ, живетъ въ семи деревняхъ, въ сѣверо-западной части Камчатки, по берегамъ Пенжинскаго залива. на разстояніи 400 верстъ отъ предъидущаго племени, въ числѣ 870 душъ. Въ сѣверной части полуострова они только по имени христіане, отличаются грубыми нравами и говорятъ на томъ же нарѣчіи, какъ и предъидущее племя коряковъ. Въ деревняхъ, расположенныхъ въ южной части Камчатки, они приняли христіанство и достигли нѣкоторой степени развитія. Ихъ образъ жиз-

ни и промыслы почти тѣ же, что и у прочихъ прибрежныхъ жителей: между прочимъ у нихъ замѣтны попытки къ разведенію скотоводства и садоводства. Рыбная ловля производится такъ-же какъ у камчадаловъ, т. е. самымъ первобытнымъ способомъ. Обиліе рыбы въ рѣкахъ чрезвычайное. Бѣлые медвѣди пожираютъ ее тысячами, а остатки, бросаемые ими, распространяютъ въ воздухъ отвратительный запахъ.

Третье племя — укинтзесъ — въ числѣ 410 душъ, живетъ въ шести деревняхъ сѣверо-восточной Камчатки; первобытные нравы сохранились только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ ближе къ сѣверу. Они всѣ христіане, жилища ихъ похожи на жилища вышеописаннаго племени, и занимаются съ успѣхомъ скотоводствомъ и огородничествомъ. Добываютъ себѣ пропитаніе весьма прибыльной охотою на моржей и тюленей, которыхъ въ изобиліи водится на осѣдномъ островѣ Карагачѣ. Прекрасный тюлений мѣхъ играетъ главную роль въ костюмѣ коряковъ.

Четвертое племя осѣдлыхъ коряковъ, называемое — олутортзесъ — живетъ въ деревняхъ, разбросанныхъ вплоть до земли осѣдлыхъ чукчей. Живя по большей части въ земляныхъ юртахъ, они тѣмъ не менѣе носятъ одежду богато отдѣланную. Благодаря суровому климату страны, ихъ единственный промыселъ составляетъ рыбная ловля и охота, произведенія которыхъ служатъ для нихъ предметомъ обмѣна на все необходимое для ихъ существованія. Они выдѣлываютъ также въ большомъ количествѣ чемоданы изъ моржевой кожи, работа которыхъ отличается изяществомъ, и также множество красивыхъ вещей изъ моржевыхъ клыковъ, которыя свидѣтельствуютъ о большой способности этого народа къ разнаго рода ремесламъ. Изъ всѣхъ осѣдлыхъ корякскихъ племенъ олутортзесимѣютъ наиболѣе правильное сложеніе: они высокаго роста, стройны и лицо ихъ выразительно и пріятно. Нравы ихъ имѣютъ большее сходство съ нравами кочевыхъ коряковъ и чукчей, тогда какъ рус-

ское вліаніе болѣе замѣтно на корякахъ, живущихъ въ южной части полуострова Камчатки; изъ нихъ почти всѣ христіане.

Коряки—кочевники, говорящіе на особомъ нарѣчій, отличаются главнымъ образомъ отъ четырехъ вышеописанныхъ племенъ тѣмъ, что все ихъ существованіе зависитъ отъ оленеводства. Оленеводство было главной причиною сохраненія ихъ народности и древнихъ обычаевъ. Сѣверный кочевникъ имѣетъ весьма ограниченныя жизненныя потребности; есть у него кое-что, чѣмъ онъ можетъ утолить свой голодъ—онъ и счастливъ, и благословляетъ свою судьбу. У осѣдлыхъ же коряковъ, добывающихъ себѣ пропитаніе охотою, мы видимъ совершенно иное: если охота неудалась,—имъ нечего обмѣнять на зимніе съѣстные припасы, и тогда они принуждены питаться рыбою вмѣсто говядины, къ которой они уже привыкли. Вслѣдствіе неудачной охоты они дѣлаютъ долги, или идутъ въ батраки, утрачиваютъ такимъ образомъ свою независимость, забываютъ свои первобытныя нравы и обычаи и національныя привычки.

Лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ этого зла служитъ оленеводство, которое обезпечиваетъ кочевниковъ вполне въ матеріальномъ отношеніи. Коряки постоянно переходятъ огромныя пространства и остаются въ каждой мѣстности столько времени, пока въ ней не истощится кормъ для ихъ стадъ и пушныя звѣры для охоты; если мѣстность окажется неблагопріятною, они тотчасъ уходятъ оттуда со всѣми своими стадами и домашнимъ скарбомъ, и отправляются искать лучшаго убѣжища. Коряки-кочевники не знаютъ настоящей нужды; голодать имъ никогда не приходится; мѣновая торговля идетъ хорошо, подати русскому правительству платятъ они исправно и относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Коряки-кочевники отличаются удивительной неприхотливостію: олень снабжаетъ ихъ одеждою и шкура его служитъ также кровлею для ихъ жилищъ. Юрта, или чумъ, есть ни что иное, какъ круглая

или четырехугольная палатка безъ всякихъ затѣй, покрытая тонкими дощечками, лѣтомъ обтянутыми кожею, а зимою недубленными оленьими шкурами. Простая обитая кожею дверь сдѣлана для входа. Верхняя часть юрты остается открытою для пропуска свѣта и выхода дыма; нижняя часть юрты имѣетъ отъ 4 до 6 саженъ въ діаметрѣ. Внутри юрты есть нѣсколько отдѣленій, увѣшанныхъ оленьими шкурами, которыя замѣняютъ собою постель, такъ-же, какъ и у чукчей. Почетное мѣсто находится въ самомъ отдаленномъ углу отъ входа. На ночь постели покрываются мягкими пушистыми шкурами, въ сосудѣ, на подобіе—ламы, жгутъ рыбій жиръ, отъ котораго жаръ и духота въ юртѣ становятся настолько сильными, что обитатели ея вынуждены спать совершенно голыми.

Мужчины носятъ зимою длинную одежду, обращенную шерстью внутрь; а лѣтомъ ту же одежду только не изъ мѣха, а изъ кожи; у женщинъ одежда такого же покроя, только нѣсколько шире и достаетъ только до колѣнъ. Къ этой одеждѣ онѣ одѣваютъ еще родъ кофты безъ рукавовъ, но сверхъ плечъ. Мужчины не носятъ этого дополнительнаго костюма. Мѣховыя сапоги у женщинъ весьма тщательной работы и нерѣдко бываютъ украшены фальшивыми бусами. Зимніе сапоги шьются изъ недубленой оленьей шкуры, или, вѣрнѣе изъ оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ. Коряки носятъ также мѣховыя чулки, обращенные шерстью внутрь, а лѣтомъ носятъ обувь, изготовляемую изъ сушеной травы. Праздничная одежда, особенно у женщинъ, отличается богатою отдѣлкою. Вся одежда, которую мы описали, носится безъ всякаго нижняго бѣлья. Головной уборъ состоитъ изъ одного только капишона.

Каждый ребенокъ при рожденіи получаетъ въ приданое извѣстное число оленей, которыхъ мѣтять, равно какъ и ихъ потомство особымъ знакомъ на ухахъ. Новорожденныхъ дѣтей матери носятъ на спицѣ, запеленанныхъ въ кожаный мѣшокъ, и носятъ ихъ такимъ образомъ, пока они научатся ходить; тогда на ребенка надѣ-

ваютъ платьѣ особаго покроя, а на шестомъ году его одѣваютъ уже какъ взрослому.

На женщинѣ лежитъ все домашнее хозяйство, кромѣ того она обливаетъ всю семью и занимается выдѣлкой оленьихъ шкуръ. На обязанностяхъ мужчины лежатъ всѣ тяжелыя работы по дому и внѣ дома. Молодые пары часто проводятъ лѣто со своими стадами далеко отъ юртъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, для болѣе удобнаго занятія рыбной ловлею; пастухамъ приходится питаться одними только кореньями или отъ звѣриной охоты, которая у сѣверныхъ кочевниковъ простирается и на морскихъ животныхъ, а преимущественно на тюленя, по причинѣ огромнаго количества жира, добываемаго изъ него. Добываніе лѣса для топлива сопряжено съ большими трудностями: нерѣдко корягамъ приходится пройти версты десятокъ и достать только немного мелкаго кустарника. Кромѣ всего этого, мужчины занимаются изготовленіемъ байдарокъ и саней, оружія для охоты, рыбной ловлею и мѣновой торговлею. Коряки ежегодно платятъ ясакъ пушнымъ звѣремъ и, кромѣ того, обязаны содержать почтовое сообщеніе съ Камчаткой.

Браки у коряковъ заключаются съ большими трудностями. Желающій жениться долженъ предварительно сдѣлать подарки своему будущему тестю; если подарки приняты, тогда женихъ поступаетъ въ услуженіе къ отцу своей невѣсты, и на него вваливаютъ самыя тяжелыя работы: заставляютъ пасти оленей и ухаживать за ними, добывать дрова и т. п. Съ невѣстою своей онъ никогда не говоритъ, да ее никто и не спрашиваетъ о согласіи, ея дѣло только повиноваться отцовской волѣ. Если женихъ нравится отцу невѣсты, тогда онъ за нѣсколько лѣтъ неутомимой работы—иногда испытаніе продолжается лѣтъ десять—отдаетъ ему въ награду свою дочь, весьма непривлекательную, благодаря ея крайней нечистоплотности. Въ случаѣ женихъ не нравится, ему отказываютъ безъ дальнихъ разсужденій, и тогда его многолѣтній тяжелый трудъ пропадаетъ ни за

грошъ. Когда отецъ изъявитъ свое согласіе на бракъ, тогда въ юртѣ устраиваютъ особое отдѣленіе для новобрачныхъ, и наканунѣ дня свадьбы будущіе родственники жениха виѣстѣ съ гостями приходятъ невзначай и начинаютъ бить жениха хлыстами. Если онъ терпѣливо переноситъ удары, то это доказываетъ, что онъ будетъ съ покорностью переносить всѣ жизненныя невзгоды, и тогда только, безъ соблюденія какихъ либо церемоній, его ведутъ въ женѣ, и бракъ считается совершеннымъ.

Многоженство допускается у коряковъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ только что описанныхъ формальностей великій разъ, когда корякъ вздумаетъ вновь жениться: поэтому, по большей части, они довольствуются одной женою. Когда у коряка нѣсколько женъ, то у каждой изъ нихъ имѣется своя отдѣльная постель, и всегда одна какая нибудь жена пользуется правами старшей, а всѣ остальные ей подчинены. Случай ревности весьма рѣдки: всѣ жены коряка живутъ между собою въ добромъ согласіи и любятъ одного общаго мужа. Весьма понятно, что, вслѣдствіе тѣхъ трудностей, съ какими сопряженъ бракъ у коряковъ, супружеская невѣрность строго наказывается. Невѣрная жена выгоняется изъ дому виѣстѣ съ ея дѣтьми, которыя теряютъ право на наслѣдство ихъ отца, а жена получаетъ обратно только своихъ оленей, данныхъ ей въ приданое. Слѣдуетъ еще сказать и то, что жена, уличенная въ невѣрности, крайне рѣдко выходитъ замужъ вторично. Корякъ можетъ выгнать изъ дому жену, не отдавая никому въ этомъ отчетъ; но подобныя случаи бывають крайне рѣдко: коряки рѣшаются на такой поступокъ только по весьма важной причинѣ. Дѣвушки, дурнаго поведенія безпощадно убиваются ихъ отцами.

Наслѣдственность чрезвычайно строго соблюдается у коряковъ. Приданое жены остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія перваго ребенка; тогда только женино стадо оленей переходитъ во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Когда бракъ бываетъ безъ

дѣтнмъ, тогда общія стада переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ родственникамъ. По смерти отца, дочери получаютъ всѣхъ оленей, родившихся отъ тѣхъ, которые были даны имъ при рожденіи; братья дѣлятъ остальное имущество между собою на равныя части. Вдова пользуется пожизненно приплодомъ отъ своихъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; но послѣ ея смерти это приданое переходитъ къ сыновьямъ, которые при каждомъ дѣлѣжѣ должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. На случай какихъ нибудь недоразумѣній, все должно рѣшаться по однажды установленнымъ правиламъ. Въ семьѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, овдовѣвши, или будучи холостякомъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату вдовцу не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Когда корякъ женится на вдовѣ, или на разведенной женѣ, онъ не исполняетъ никакихъ предварительныхъ домашнихъ работъ, бракъ заключается тотчасъ по обоюдномъ соглашеніи относительно условій, предлагаемыхъ обѣими сторонами. Все это служитъ доказательствомъ простоты и чистоты нравовъ этого народа, живущаго еще въ младенчествѣ.

Въ семейной жизни, какъ мужа и какъ отца, — коряки отличаются нѣжностью чувствъ. Отъ природы они добры, честны и справедливы. Гостепріимны до неразчетливости: другу своему они отдаютъ послѣдній грошъ. Темперамента они по большей части живаго, любятъ поострить, надѣлены отъ природы здравымъ смысломъ, горячимъ воображеніемъ и иногда отпускаютъ весьма удачныя острооты. Но если ихъ обидѣтъ, — тогда они не скоро забудутъ нанесенной имъ обиды и при случаѣ отомстятъ за нее. Вообще въ нихъ хорошія качества берутъ верхъ надъ дурными, но, тѣмъ не менѣе, всякій мало-мальски образованный человѣкъ невольно отталкивается отъ нихъ по причинѣ ихъ крайней нечистоплотности, перешедшей всѣ границы; невозможно безъ полнѣйшаго отвращенія смотрѣть на приготовленіе ихъ пищи; одежда ихъ съ головы до ногъ усѣяна разными

скверными насѣкомыми; съ самого дня рожденія они никогда не моются; только случайно какъ нибудь выкупаются въ водѣ, упавши напр. въ рѣку.

Административное управленіе у коряковъ весьма несложное: старшій въ юртѣ разбираетъ всѣ споры и несогласія, и его рѣшенію всѣ должны подчиняться; также точно чинятъ судъ и расправу старшины въ каждомъ племени; у кочевыхъ коряковъ такихъ старшинъ восемь. Коряки очень ловки въ ѣздѣ, они пробираются на парѣ, или на четверкѣ оленей по самымъ опаснымъ дикимъ мѣстамъ, наблюдая за своими стадами, иногда довольно многочисленными, или охотясь за пушнымъ звѣремъ. Лѣтомъ они пасутъ своихъ оленей въ горахъ, чтобы доставить имъ лучшій кормъ на богатыхъ пастбищахъ. Число коряковъ кочевниковъ въ Гижигинскѣ и Петропавловскѣ простирается до 1750 человѣкъ; если къ нимъ прибавить еще 1000 душъ, бродящихъ на границѣ земли Чукчей, тогда будетъ 2750 кочевниковъ обою пола, что составитъ вмѣстѣ съ осѣдлыми коряками населеніе отъ 4000 до 4500 душъ.

Коряки отличаются сидю и здоровьемъ и живутъ по большей части до глубокой старости; но постоянное житіе ихъ въ курныхъ землянкахъ губительно отражается на зрѣніи — почти всѣ они страдаютъ отъ воспаленія глазъ. Большую смертность между коряками причиняютъ эпидеміи, хотя и рѣдкія, но за то необыкновенно злокачественныя, какъ напр. оспа, корь, лихорадки. Эпидеміи эти были бы не столь ужасны, если бы коряки не боялись такъ употребленія воды и были бы чистоплотнѣе. За больными коряки ухаживаютъ съ соболѣзнованіемъ и никогда не отказываютъ имъ ни въ лекарствахъ, ни въ религіозномъ утѣшеніи; но какъ только они убѣдятся, что всѣ средства безсильны спасти больного, они безпощадно убиваютъ его, если онъ не въ силахъ покончить самъ съ собою. Убиваютъ его потому, чтобы избавить отъ злаго духа. Этотъ варварскій обычай

КОРЯКИ.

ОРОЧЕНЪ.

Л. КУРИЛЬЦЫ, ИЛИ АЙНОСЫ.

Одного происхожденія съ камчадалами, но связанные болѣе тѣсными узами съ гиляками, курильцы живутъ на островахъ того же имени и сѣверной части острова Сахалина. По численности своей это самое незначительное племя; въ настоящее время отъ этого народа осталось всего только нѣсколько сотенъ людей обоего пола.

Курильцы отличаются продолговатымъ и плоскимъ лицомъ, темной бородою и темными волосами, но такими густыми и длинными, что они покрываютъ все тѣло. Они очень угрюмы и склонны къ самоубійству. Потребности ихъ весьма ограничены, и они удовлетворяютъ ихъ насколько это возможно при ихъ бродячемъ образѣ жизни, вдоль острововъ, образующихъ цѣпь Курильскихъ и на которые они отправляются на своихъ челнокахъ, называемыхъ байдарками. Жилищъ постоянныхъ не имѣютъ, но живутъ въ землянкахъ, или юртахъ, построенныхъ изъ пловучаго лѣса, годныхъ только для зимняго жилья, и покидаютъ ихъ лѣтомъ.

Айносы, или курильцы, могутъ назваться кочевниками; на своихъ байдаркахъ они постоянно снуютъ съ мѣста на мѣсто и всего точнѣе, было бы назвать ихъ «морскими кочевниками». Любимое мѣсто

ихъ экскурсій островъ Парамужиръ, самый большой изъ Курильскихъ острововъ. Они ежегодно занимаются мѣновой торговлею; главный промыселъ ихъ составляетъ торговля камчатскими бобрами.

Какъ русскіе поданные они живутъ на островѣ Сахалинѣ.

Л. Г И Л Я К И.

Гиляки, или гилемы, или, какъ они сами называютъ себя,—килены, еще очень недавно были совершенно самобытнымъ народомъ, но въ настоящее время, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, живущими на Амурѣ, стали забывать свой родной языкъ и изменять своимъ прежнимъ нравамъ и обычаямъ. Русское вліяніе съ невѣроятной быстротою распространилось между гиляками, и можно безошибочно сказать, что въ весьма недалекомъ будущемъ и это племя войдетъ въ составъ тѣхъ народовъ, которые испытали на себѣ превосходство европейской цивилизаціи, почти всегда благотворное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующее разрушающимъ образомъ на первобытные нравы и на коренной духъ національности.

По всей вѣроятности, гиляки одного происхожденія съ своими соседями—курильцами. Они живутъ по берегамъ Амура, начиная отъ самаго устья рѣки и на протяженіи 200 верстъ по верховью ея; затѣмъ по берегамъ этой рѣки, по направленію къ сѣверу на протяженіи 100 верстъ, и къ югу вплоть до мыса Лазарева, и также по низовью р. Уссури и на островѣ Сахалинѣ. Первое селеніе гиляковъ на Амурѣ—Уктаръ; здѣсь они живутъ въ сообществѣ съ мангутами, а въ селеніи Керехѣ живутъ исключительно одни только гиляки. Вдоль береговъ Амура расположено до сорока гилякскихъ деревушекъ, и еще съ десятокъ ихъ можно встрѣтить къ сѣверу и къ югу отъ устья Амура, изъ которыхъ Коль находится въ 25 верстахъ отъ Петровска (наз. прежде Петровское-Зимовье).

Все пространство земли, занимаемое гиляками, окружено и съ сѣвера и съ запада племенами тунгусовъ, среди которыхъ они сами кажутся пришельцами. Русскіе совершенно неправильно подразумеваютъ подъ общимъ названіемъ гиляковъ всѣ племена гиляковъ и тунгусовъ, живущія по низовью Амура. Гораздо болѣе основанія предполагать, что гиляки никто иныи, какъ тшангъ - мао-дзи, (т. е. люди съ длинными волосами) — китайцы.

Образъ жизни гиляковъ весьма схожъ съ тунгусами, живущими по низовью Амура. Какъ народъ, добывающій себѣ пропитаніе исключительно рыбной ловлею и охотою, они и по развитію своему ни въ чемъ не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ только наружности и языка, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ тунгускимъ языкомъ; языкъ гиляковъ замѣчателенъ множествомъ слоговъ.

Гиляки болѣе крѣпкаго сложенія, чѣмъ тунгусы. Лицо у нихъ широкое, или, вѣрнѣе сказать, четырехугольное, глаза маленькіе, по большей части черные или темно-каріе, но менѣе выразительны, чѣмъ у послѣднихъ. Ротъ крошечный, а губы необыкновенно толстыя, даже безобразныя. Носъ маленький, толстый и вздернутый; брови чрезвычайно густыя и рѣзко очерченныя. Волоса черные, густыя и у большинства вьющіеся; борода гораздо гуще, чѣмъ у тунгусовъ.

Доброта составляетъ отличительную черту гиляковъ; при этомъ они трудолюбивы, энергичны и питаютъ гораздо большую любовь къ независимости, чѣмъ тунгусы. Нельзя сказать, чтобы у гиляковъ не было примѣси чужаго элемента, это становится особенно замѣтнымъ въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ мангутами и около устья Ангуна, гдѣ живутъ тунгусы, въ прежнее время независимыя отъ китайцевъ, и съ которыми они вели больше мѣшовой торговли, нежели платили имъ дань. Въ настоящее время гиляки окончательно подчинены русскимъ.

Одежда гиляковъ и ихъ маленькія лодочки имѣютъ сходство съ

мангутами и голдами (см. тунгусовъ, живущихъ на Амурѣ), съ тою только разницею, что гиляки украшаютъ свою одежду рыбьей чешуею. Женская одежда и головной уборъ совершенно такіе же, какъ у тунгусовъ, а равно и зимнее жилище. Огнестрѣльное оружіе весьма рѣдко можно встрѣтить у гиляковъ. Главную и любимую пищу ихъ составляетъ рыба, и нѣтъ въ мірѣ націи болѣе искусной и страстной въ рыбной ловлѣ, какъ гиляки. Что касается до ремеслъ, то въ рѣзбѣ на деревѣ гиляки довольно искусны. Они не зовутъ другъ друга по фамиліи, но придерживаются американскаго обычая (у нѣкоторыхъ народцевъ) называть разными прозвищами. Кровавая месть въ ходу въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда еще не успѣла проникнуть христіанская религія. Многие изъ гиляковъ уже приняли христіанство, но нѣкоторые придерживаются шаманства и весьма тщательно скрываютъ своихъ идоловъ. Мертвыхъ не хоронятъ въ гробахъ, какъ у тунгусовъ, а сожигаютъ.

III. АМУРСКІЕ ТУНГУЗЫ.

Чтобы покончить съ инородцами сѣверной Азіи, необходимо привести еще ороchonъ и манегровъ, живущихъ по рѣкамъ Амуру и Усури и принадлежащихъ къ тунгузскому племени. Амуръ принадлежитъ къ величайшимъ рѣкамъ въ свѣтѣ; отъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни до моря течетъ онъ на протяженіи 3,000 верстъ. Бассейнъ его охватываетъ до 38,000 квад. миль; Амуръ со всѣми своими притоками, есть рѣка преимущественно тунгузская, т. е. населенная тунгузскими племенами, такъ какъ только страна, лежащая при устьѣ его, населена другимъ народомъ, такъ называемыми гиляками, который принадлежитъ уже къ курильскому племени.

Отъ соединенія Шилки и Аргуни до устья Кумары на протяженіи отъ 600 до 650 верстъ живутъ тунгузскія племена, извѣстныя подъ именемъ «орочонъ» и «манегровъ». Ороchonы различаются главнымъ образомъ отъ манегровъ тѣмъ, что они употребляютъ для ѣзды оленей, манегры же лошадей. Надобно замѣтить, что вліяніе Китая на одежду, равно какъ на нравы и обычаи этого народа, тѣмъ болѣе бросается въ глаза, чѣмъ далѣе спускаешься внизъ по рѣкѣ.

Ороchonы и манегры болѣею частію маленькаго роста, рѣдко

превышающаго средній, и вообще худощавы; руки и ноги очень тонки, что особенно, при далеко выдающемся у дѣтей животѣ, неприятно поражаетъ глазъ. Плоское лицо, на которомъ нерѣдко возвышается довольно острый большой носъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами и маленькіе черные или каріе, нѣсколько засланные глаза съ рѣдкими рѣсницами, волосы черные и гладкіе, борода короткая—характеризуютъ ороchonскую физіономію.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося до колѣнъ, мѣховаго или кожанаго камзола, подъ которымъ обыкновенно носятъ короткое или длинное, похожее на халатъ, исподнее платье, купленное у китайцевъ, или сдѣланное дома изъ китайской хлопчатой бумаги на китайскій образецъ. Рубашки носятъ рѣдко и то преимущественно тѣ изъ ороchonовъ, которые получили ихъ отъ русскихъ. Бедра они одѣваютъ парюю очень короткихъ брюкъ, болѣею частію кожаныхъ, между тѣмъ какъ ноги обуваютъ въ сапоги, доходящіе до половины икръ, съ нѣсколько залнутыми на пяткахъ подошвами изъ оленьей и лошадиной кожи, мѣхомъ наружу. На остальную часть ноги надѣваютъ узкія, похожія на чулки, панталоны, изъ кожи или хлопца то-бумажной матеріи, которыя почти отъ лодыжекъ доходятъ до половины лядвей, такъ что закрываютъ нижній край брюкъ и верхній край сапогъ. У манегровъ попадаютъ иногда и китайскіе сапоги съ толстыми бумажными или войлочными подошвами, у которыхъ красиво вышитыя голенища не обтянуты ремнями, но свободно доходятъ до нижняго края узкихъ панталонъ. Камзолъ опоясывается кожанымъ, тканымъ или сплетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ, который обыкновенно застегивается пряжкой и заключаетъ въ себѣ различныя вещи, необходимыя для повседневнаго употребленія. Здѣсь находятъ: мѣшечекъ для табаку, мѣсто для кремня и огнива, кошелекъ для трубки, желѣзная игла для прочистки трубки, ухвертка, щипчики для вырванія волосъ изъ бороды, красивые денежныя кошельки и тому подобныя вещи, которыя

почти всё китайскаго производства. Очень часто недостаетъ въ уборѣ того или другаго предмета; но никогда не лишенъ онъ курительнаго снаряда и ножа.

Волосы на головѣ мужчинъ большею частію подстригаются на лбу и вискахъ и заплетены въ длинную, сзади висящую, косу обвязанную лентами и кожаными ремешками, иногда заключающую въ себѣ вплетенную въ нее кипарисную кору и банты *). Только у нѣкоторыхъ ороочоновъ нѣтъ косы, и тогда небритые волосы висятъ свободно на затылѣ и на щекахъ. Головной уборъ состоитъ изъ дома приготовляемыхъ полукруглыхъ мѣховыхъ и кожаныхъ шапокъ, украшенныхъ на верхушкѣ шелковою кистью, и еще чаще изъ китайскихъ войлочныхъ шапокъ. На большомъ пальцѣ правой руки почти всё мужчины постоянно носятъ кольцо изъ кости, дерева и пр., которое первоначально служило для натягиванія лука, но и нынѣ, когда лукъ все болѣе и болѣе вытѣсняется огнестрѣльнымъ оружіемъ, находится во всеобщемъ употребленіи и нерѣдко находятъ себѣ приложеніе при кулачныхъ бояхъ. Изъ украшеній мужчины носятъ на кистяхъ рукъ кольца изъ желтой мѣди. Бороду и усы носятъ только старики и пожилые люди; бакенбарды и иногда бородку старательно вырываютъ.

Одежда женщинъ почти совершенно подобна мужской; только камзолы ихъ длиннѣе, доходятъ иногда до лодыжекъ и бывають украшены большею частію разноцвѣтными полосами. Поясъ никогда не заключаетъ въ себѣ ножа, но почти всегда курительный снарядъ, — послѣднее потому, что женщины и даже дѣти любятъ куреніе почти такъ же, какъ и мужчины. Волосъ онѣ не стригутъ, но расчесываютъ посреди головы отъ лба до затылка и заплетаютъ въ двѣ косы,

*) Этотъ маньчжурскій обычай со времени ихъ владычества надъ Китаемъ перешелъ и къ китайцамъ, равно какъ и ко всемъ остальнымъ народамъ, состоящимъ подъ властію китайской имперіи.

которыя кладутъ кольцомъ около головы и связываютъ концами на лбу или затылкѣ посредствомъ бантовъ, украшенныхъ вплетеннымъ въ нихъ жемчугомъ, кипарисною корою и проч.

Хотя ороочоны и манегры имѣютъ постоянныя осѣдлыя жилища, но большею частію они кочуютъ на недалеко простирающейся округности и въ одинаковыя времена года опять возвращаются на прежнія, заранѣе избранныя ими мѣста. Лѣтомъ держатся они преимущественно береговъ Амура и его притоковъ. Зимой часто удаляются въ лѣса, не оставляя, впрочемъ, совершенно рыбной ловли, и занимаются преимущественно охотою. При этихъ переселеніяхъ, нагружаютъ своими бѣдными пожитками ороочоны оленей, манегры лошадей, и эти животныя, вмѣстѣ съ большимъ или меньшимъ количествомъ собакъ, суть единственныя домашнія животныя, которыми владѣютъ эти народы.

Ихъ жилища состоятъ изъ наскоро построенныхъ и легко разружаемыхъ конусообразныхъ юртъ изъ березовой коры.

Внутри юрты находится посрединѣ сдѣланный изъ земли очагъ, т. е. мѣсто, гдѣ разводять огонь, при чемъ незамѣтно другаго устройства, кромѣ похожаго на яму углубленія. По стѣнамъ юрты находятся кругомъ скамейки, служащія ночью постелями. На землѣ разостланы толстыя одѣяла изъ оленьяго или лосиннаго войлока, покрытыя иногда красиво вышитыми мѣховыми ковриками, на которыхъ и сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Мѣсто противъ входа въ задней части юрты называется «*маллу*»; оно назначается для гостей, и женщины не должны на него никогда вступать; направо и налево находятся мѣста, называемыя *бе*, на которыхъ сидятъ равно мужчины и женщины. Каждый гость приглашается хозяиномъ тотчасъ сѣсть, и какъ-скоро это исполнено, ему подають закуренную трубку, которую гость, покуривъ нѣсколько, передаетъ сосѣду, который, въ свою очередь, поступаетъ такъ же, что продолжается до тѣхъ поръ, пока трубка не погаснетъ.

Въ каждой юртѣ находятся, кромѣ того, одна или нѣсколько колыбелей; большую частію люльку образуютъ два связанные листа древесной коры, наклоненные болѣе или менѣе одинъ къ другому. Изъ этого выходитъ довольно плоское продолговатое корыто, дно котораго состоитъ или изъ кожи, мѣха, или же изъ коры; отъ середины каждаго верхняго края и отъ точекъ соединенія обоихъ листовъ идутъ, числомъ четыре, крѣпкія веревки, связывающіяся надъ люлькою и держащія ее на воздухѣ, когда концы ихъ бывають привязаны къ жердямъ юрты. Посредствомъ удлиненія и сокращенія этихъ веревокъ даютъ обѣимъ половинкамъ колыбели болѣе или менѣе наклонное положеніе, такъ что находящійся въ колыбели ребенокъ, по волѣ родителей, или сидитъ, или лежитъ. Часто края, или внѣшнія стороны колыбели увѣшаны китайскими монетами, мѣдными пластинками и пр., ударяющимися другъ о друга при качаніи колыбели; также употребляютъ дѣтскія погремушки, состоящія изъ связанныхъ въ одинъ узелъ зубовъ и костей разнаго рода.

Въ то время, какъ мужчины ловятъ рыбу и охотятся, женщины обязаны заботиться о всѣхъ остальныхъ занятіяхъ: онѣ ставятъ и снимаютъ юрты, разгружаютъ оленей или лошадей, готовятъ кушанье, дубятъ кожи, шьютъ платья, готовятъ кору и пр. Шьютъ женщины желѣзными иглами и нитками, приготовляемыми изъ оленьихъ и лосиныхъ жилъ.

Рыбная ловля въ то время года, когда рѣки не покрыты льдомъ, составляютъ главную вѣтвь промышленности орононовъ и манегровъ, хотя они и зимою, при помощи прорубленныхъ во льду отверстій, умѣютъ снабжать себя свѣжею рыбою. Сѣти видишь рѣдко и, притомъ, преимущественно у орононовъ, заимствовавшихъ ихъ у русскихъ.

Охота, которая лѣтомъ бываетъ только случайная, зимою составляетъ главное занятіе орононовъ и манегровъ. Тогда разсыпаются они болшею частію малыми и большими группами по лѣсамъ и воз-

вращаются, послѣ неопредѣленнаго срока, съ полученною добычею назадъ въ свои юрты, чтобы вскорѣ снова разойтись. Предметы охоты суть: бѣлки, соболи, куницы, серны, олени, лоси, лисицы, россомахи и иногда медвѣди. Существовавшіе у нихъ съ древнѣйшихъ временъ луки и стрѣлы теперь почти совершенно вытѣснены ружьями, заимствованными у русскихъ или у китайцевъ. Русскія ружья, находимыя особенно у орононовъ, совершенно сходны съ употребляемыми у сибирскихъ крестьянъ и всѣ снабжены кремневымъ замкомъ; стволъ болшею частію малаго калибра, назначенный для пульки величиною съ горошину, и рѣдко случается видѣть у нихъ ружья и для болѣе крупныхъ пуль. На охотѣ пользуются они, какъ и сибиряки, такъ называемыми сошками, которыя здѣсь нерѣдко приделаны къ переднему концу ствола. Фитиль дѣлается изъ ивовыхъ лыкъ, сплетенныхъ или свернутыхъ въ веревку, и охотникъ, чтобы можно было его на охотѣ зажечь всякую минуту, носить постоянно съ собою длинный, глѣбующій древесный труть, насаженный на желѣзный буравчикъ который, при помощи деревянной ручки, втыкается между верхнимъ платьемъ и поясомъ охотника.

Такъ какъ порохъ и свинець добываютъ орононы и манегры мѣною и, притомъ, только случайно могутъ получить обѣ эти вещи, то они у нихъ очень цѣнятся, и рѣдко можно найти такого, который бы разрядилъ ружье, не будучи увѣренъ въ томъ, что онъ вѣрно попадетъ въ цѣль. Ихъ ловкость въ стрѣльбѣ вообще очень велика.

Мясо добытыхъ на охотѣ оленей, сернь, лосей и проч. сушится точно также, какъ рыба и икра осетровъ; послѣдняя сохраняется въ видѣ скаташихъ шариковъ и очень не вкусна.

Такъ какъ орононы и манегры, какъ народъ кочевой, промышляющій только охотою и рыбною ловлею, стоятъ еще на очень низкой степени развитія, то объ ихъ образованіи можно сказать только очень мало. Изъ идоловъ путешественники видѣли только одного, называемаго «тшево», и то въ одной только юртѣ. Это былъ гладкій,

круглый обрубокъ дерева, представлявшій лицо съ двумя большими вычерченными глазами, широкимъ ртомъ и надрѣзаннымъ носомъ и висѣвшій на одной изъ жердей юрты, привязанный шнуркомъ за верхнюю выдающуюся часть. На этой выдающейся передней части были прикрѣплены шесть рядовъ маленькихъ, сшитыхъ нитками, трехугольныхъ кусочковъ мѣха, которые, вися съ обѣихъ сторонъ лица, казалось, представляли локоны; подъ подбородкомъ было нѣчто въ родѣ шеи, снабженной по сторонамъ зарубками и частью покрытой большимъ кускомъ мѣха, представляющимъ бороду. Сзади юрты нерѣдко бросаются въ глаза жерди, стоящія поодиночкѣ и связанные по три, на которыхъ на ниткахъ висятъ небольшіе свертки бересты, заключающіе въ себѣ или представляющіе собою образы божества; но ближайшее ихъ значеніе еще неизвѣстно. На деревянныхъ подмосткахъ, поставленныхъ для вѣшанія сухой рыбы и мяса, висятъ пучки конского волоса, обрывки матерій, плечныя лопатки оленей и другихъ животныхъ; иногда здѣсь же видишь положенныя на доски жертвы богамъ, состоящія изъ рыбы и мяса. Религіозные обряды, равно какъ у сибирскихъ тунгусовъ, якутовъ и одной части бурятъ совершаются такъ называемыми шаманами, которые суть жрецы, гадатели и вмѣстѣ съ тѣмъ врачи. Амулетами, или талисманами считаются у нихъ, кажется, зубы и когти различныхъ звѣрей. Ихъ носятъ на поясахъ и шейныхъ повязкахъ, между тѣмъ какъ больное мѣсто они лечатъ ихъ изображеніями, вырѣзанными большею частью на деревѣ. У хромыхъ людей видѣлъ г. Герстфельдъ на больномъ мѣстѣ висѣющія ножки и бедра, сдѣланныя изъ дерева; у больныхъ грудью замѣчалъ онъ на шеѣ висѣющую деревянную, на подобіе сердца, штучку и проч. Больные глаза, что, кажется, у нихъ часто встрѣчается, защищаютъ они тонкими, сплетенными изъ конского волоса повязками — *сарантши*. Всѣ орочны и манегры, кажется, владѣютъ одною только женою, на которой женятся нерѣдко равнѣ эпохи возмужалости; жена у нихъ является въ качествѣ работницы. Умершіе обыкновенно

вено закапываются въ землю по близости юрты, и надъ мѣстомъ погребенія выстраиваютъ маленький, низенькій четырехугольный домикъ или же только покрышку, держашуюся на нѣсколькихъ жердяхъ и защищающую, наподобіе зонтика, могильное мѣсто отъ дождя и солнца. Могильные домики нерѣдко украшены рѣзною работою, представляющею лошадиныя головы и проч.

На протяженіи отъ устья Кумары до устья Уссури живутъ по Амуру тунгусскіе народы, отличающіеся какъ отъ орочоновъ и манегровъ, такъ и отъ другихъ близкихъ по происхожденію племенъ при истокѣ Уссури, во многихъ отношеніяхъ и вообще, кажется, стоящія на высшей степени развитія. Отъ орочоновъ и манегровъ отличаются они главнѣйшимъ образомъ болѣе высокимъ икрѣпимъ станомъ, худощавымъ, овальнымъ лицомъ съ острымъ выдающимся носомъ и менѣ широкими щеками. Языкъ ихъ, кажется, не смотря на туземное, глухое горловое произношеніе, мягче, нежели у обѣихъ названныхъ нами народовъ. Большею частью они имѣютъ постоянныя жилища, занимаются болѣе или менѣ садоводствомъ, и китайское вліаніе на нихъ замѣтно болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Амурѣ, въ одеждѣ, образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

Отъ Кумары до устья Зеи, на пространствѣ около 200 верстъ, берега Амура населены такъ же рѣдко, какъ и въ области орочоновъ и манегровъ. Мѣстами только встрѣчаются коническія юрты, покрытыя берестю или даже просто тростяникомъ, жители которыхъ живутъ совершенно такъ же, какъ манегры, имѣя единственными домашними животными собакъ и иногда лошадей. Кромѣ того, находишь у нихъ дома, стоящіе поодиночкѣ или по два и по три вмѣстѣ. Вблизи этихъ постоянныхъ жилищъ пасутся рогатый скотъ и табуны лошадей. У нихъ уже есть тяжелыя двухколесныя телѣжки, съ колесами, вертящимися вмѣстѣ съ осью. Дома, окруженные садами, въ которыхъ разсаживаютъ овощи и всякую зелень, тамъ и

сямъ поля, преимущественно засѣянная пшеницею, изъ которой мѣстные, не-кочующіе жители пекутъ хлѣбъ, неизвѣстный орочанамъ и манеграмъ встрѣчаются верѣдко.

Населеннѣйшая часть и центральный пунктъ цивилизаціи на Амурѣ встрѣчается внизъ отъ *устья Зеи*, и только на небольшомъ пространствѣ отъ 60—70 верстъ. Здѣсь, на самомъ берегу и въ небольшомъ разстояніи отъ него, стоятъ 25 — 30, болѣе или менѣе значительныхъ селеній, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ. Посреди, на правомъ берегу Амура, лежитъ городъ Сахалинъ-Ула-Хотонъ (у манчжуровъ), или Гелонгкіанъ-шенъ (у китайцевъ), т. е. Амуръ-городъ, мѣсто жительства губернатора, или начальника надъ войсками, хотя столицей китайскаго охраннаго округа Гелонгкіангъ считается городъ Цицикаръ. Селенія, состоящія изъ 10 до 40 50 и иногда до 100 домовъ, построены или на возвышенномъ краю берега, въ тѣни вѣтвистыхъ деревьевъ, или лежатъ на плоскихъ, песчаныхъ островахъ и полуостровахъ, между печальными ивовыми кустами. Городъ, выше котораго, въ маломъ разстояніи, на правомъ берегу, находится родъ гавани для небольшихъ военныхъ судовъ, съ пристроенною къ ней батареею, простирается по берегу на 3 версты и около 2—3 верстъ внутрь страны. Надъ однообразными крышами домовъ выдаются нѣсколько паръ палокъ съ флагами, почти такихъ же, какія стоятъ на ламайскихъ храмахъ, и деревянная изгородь, окружающая жилище губернатора и имѣющая въ одинаковыхъ разстояніяхъ высокія и низкія отдѣленія, похожія на зубчатую стѣну. Одинъ изъ храмовъ, которыхъ довольно много замѣтно въ городѣ, стоитъ довольно близко къ берегу и рѣзко противорѣчитъ своимъ краснымъ полосатымъ куполомъ сѣрожелтой массѣ всѣхъ другихъ домовъ. Внутри и между этихъ селеній господствуетъ довольно одушевленная жизнь. Двуколесныя, нагруженныя мѣшками телѣги, везомыя быками, двигаются медленно по дурнымъ дорогамъ. Сады и поля заняты работниками, и между ними на лугахъ пасутся

многочисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей. По рѣкѣ скользятъ быстрыя рыболовныя лодки, между тѣмъ какъ большія суда, мачты которыхъ украшены флюгерами и длинными вымпелами, а нижняя часть покрыта рогожами, медленно плывутъ по теченію или же, посредствомъ длинной веревки, тянутся вверхъ по рѣкѣ людьми, идущими по краю берега. *Отсюда до хребта горъ, пересѣкаемого въ нижнихъ частяхъ своихъ Амуромъ* (между устьями Нюмѣня, или Бурѣи и Сунгаря), на полосѣ отъ 350 до 400 верстъ находятся точно также, какъ вверхъ по Зеѣ, только разсѣянно стоящія хижинны и коническія юрты. Хижинны стоятъ опять по двѣ и по три вмѣстѣ, преимущественно на правомъ берегу Амура, и подлѣ нихъ сады и загородки для рогатаго скота и лошадей. Эти животныя, впрочемъ, становятся все рѣже. Юрты видишь опять чаще и иногда большими группами какъ направо, такъ и налѣво; ихъ конусообразная жердяная постройка покрыта листьями бересты, корою хвойныхъ деревьевъ, тростникомъ или хворостомъ, или переплетена на подобіе корзины ивовыми прутьями, или же накопецъ состоитъ изъ чаще, нежели обыкновенно, поставленныхъ другъ подлѣ друга деревянныхъ жердей, безъ всякой другой покрывки. Подлѣ нихъ возвышаются подмостки для сушенія рыбы, какъ у орочановъ и манегровъ, съ которыми эти обитатели юрты верѣдко сходятствуютъ по одеждѣ и образу жизни, хотя образованіе ихъ тѣла приближаетъ ихъ къ даурійцамъ, обитателямъ хижинъ.

Жители селеній и одиноко стоящихъ домовъ одѣваются почти такъ же, какъ китайцы. Мужчины носятъ длинныя халаты синяго и рѣже бѣлаго цвѣта и сверхъ нихъ куртки, похожія на жилеты, затѣмъ употребительное у китайцевъ вижнее платье и сапоги съ толстыми картонными подошвами. Голова напереди и по сторонамъ острижена; назади носятъ они длинную косу; покрывается голова китайскими шляпами и шапками. Мѣховую и кожаную одежду видишь почти только у одной части обитателей юртъ, между тѣмъ

АЙНОСЫ И ГИЛЯКИ.

ШАМАНЪ И ШАМАНКА.

какъ остальные одѣваются по-китайски. Женщины появляются въ длинныхъ, похожихъ на халаты, достигающихъ до коленъ одеждахъ, большею частію изъ синей бумажной матеріи, съ короткими и широкими рукавами и, сверхъ того, нерѣдко ниспадающею до бедеръ шелковой, покрытой узорами «курмою». Волосы у нихъ со всѣхъ сторонъ зачесываются на затылокъ и заплетаются въ толстую косу, которая свертывается на подобіе башни, съ узломъ на концѣ, и придерживается высокою гребенкою, украшенными жемчугомъ головными булавками или бантами съ цвѣтами. Серьги, кольца и браслеты, служащіе украшеніемъ, дѣлаются очень искусно и съ большимъ вкусомъ изъ благородныхъ металловъ. Трубки и опахала находятся въ употребленіи у обоихъ половъ; но за то видишь у однихъ мужчинъ поясъ, съ привѣшанными къ нему футляромъ для ножа и палочки для ѣзды, табачнымъ кесетомъ, мѣшечкомъ для трута и т. п. Малолѣтнихъ дѣтей матери носятъ съ собою на спинѣ; изъ болѣе взрослыхъ дѣвочки имѣютъ такія же платья, какъ и матери, а мальчики до 6 и 7 лѣтнаго возраста ходятъ съ открытою верхнею частию тѣла и съ панталонами до пояса.

Хижины, какъ одиноко стоящія, такъ и тѣ, которыя въ сложности составляютъ деревни, окружены почти всегда большимъ дворомъ, въ который входишь посредствомъ двери; изгородь дѣлается изъ перпендикулярныхъ, часто другъ подле друга поставленныхъ столбовъ или изъ болѣе рѣдкихъ, переплетенныхъ и связанныхъ взаимно ивовыми прутьями жердей. Между садами, произволящими бобы, табакъ, тыквы и другія растенія, стоитъ домъ по срединѣ двора; онъ построенъ изъ дерева и глины, длиною въ нѣсколько сажень и почти столько же въ ширину, имѣетъ около 1 1/2 сажени высоты и покрытъ кровлею изъ гладкаго остриженного тростника и соломы.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ жителей этой области Амура, кромѣ ламайскихъ міасовъ (храмовъ), находящихся только въ городѣ и

военныхъ сторожевыхъ постахъ, даютъ нѣкоторое понятіе устроенныя снаружи многихъ домовъ шкафики и рамки. Эти шкафы и рамы, замѣчаемыя особенно въ сосѣднихъ городу селеніяхъ, заключаютъ въ себѣ китайскія и маньчжурскія падиши и идоловъ, передъ которыми стоятъ жаровни съ курящимися ароматами. Кромѣ того, передъ многими домами видишь на дворѣ, противъ входа, четырехугольныя деревянныя ширмы, вышиною и шириною въ нѣсколько футовъ на той сторонѣ этихъ ширмъ, которая обращена къ двери, на особенныхъ устроенныхъ на землѣ подмосткахъ, находится подвижная, вертящаяся жердь. Во время службъ эта жердь поднимается и прислоняется къ ширмамъ. Верхній конецъ ея украшенъ черепами хищныхъ животныхъ, флагами, обрывками матерій, конскими волосами и проч., а передъ нею стоитъ столикъ съ жертвенными сосудами и курильницами. Присутствующіе молятся, лежа распростершись на землѣ и приложивъ къ ней лица.

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

Оканчивая этнографическіе очерки народовъ Россіи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ среднеазіатскихъ народахъ, которые нынѣ, при движеніи Россіи въ глубь Средней Азіи, дѣлаются нашими непосредственными сосѣдями и частью составляютъ подданныхъ нашего Туркестанскаго края.

Бухара и Хива суть два главные центра гдѣ группируются эти народы, составъ которыхъ весьма разнообразенъ. Населеніе этихъ двухъ ханствъ самое смѣшанное и состоитъ главнымъ образомъ изъ киргизъ, персіанъ, туркменъ, сартовъ или таджиковъ и узбековъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ типахъ.

LIV. Т А Д Ж И К И.

Таджики, живущіе у насъ, сосредоточены главнымъ образомъ въ Заравшанскомъ округѣ; о нихъ то мы и будемъ говорить.

Таджики имѣютъ три названія: общее — «таджикъ», частное для выходцевъ изъ Мерва — «таджъ» и бранное «сартъ», или «сасыкъ-сартъ»

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *таджъ* и *ми*, т. е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили *корону*. Туркмены называютъ таджиковъ таджъ.

Объясненія туземцевъ слова «сартъ» состоитъ изъ уподобленій сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и проч. «Сасыкъ-сартъ» (тухлый сартъ) кричитъ каракалпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣзтники, подсказывая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдео когда скажетъ: таджикъ, а всегда: «таджикъ-сартъ», при чемъ слово сартъ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: «таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ — когда бранимъ его».

Городъ есть настоящее мѣстожителства таджика, и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостаточность мѣстъ внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ — извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіатскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давитъ домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома вырастаютъ двухъ этажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ — и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіатскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣсть

для построекъ въ городѣ заставляеть таджиковъ, помимо ихъ собственного желанія, селиться въ киблакахъ и въ этомъ случаѣ они избирають для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

Таджики одинаковы только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы говорятъ совершенно вѣрно: *«всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ»*. Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, ктай, катаганъ и т. п. Таджикъ же на такой вопросъ скажетъ: я бухарецъ, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азійи принято, ввелось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ.

Таджики Заравшанской долины не выражаютъ собою какой нибудь установившійся типъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать, замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ Заравшанскомъ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргелана, Андиждана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азійи стекались таджики при заселеніи округа послѣ послѣдней катастрофы (120 лѣтъ тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые,

имѣя свои типичныя отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами, а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины овруга, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азійи. Таджики второй группы—цвѣтъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладають люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черныя, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татаринномъ). Ихъ брови бывають прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ овладистой до того, что называется клиномъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе къ какой помѣси, европейской, авганской и проч., принадлежать таджикъ и переходить отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ «топоромъ».

Еврейскія и персидскія черты преобладають въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіянь, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикомъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполне поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служить земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ роскошь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семействъ таджиковъ этой группы.

Кровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ арійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличить его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утеривъ свой арійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торговашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ узбекъ, скопивъ деньги, въ большей части случаевъ, дѣлается джальабъ-сатаромъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); пріобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и прибавитъ къ своему имени эпитетъ «бай» (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно ткетъ; онъ выдѣлываетъ мату, бузъ, и рѣдко—алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузъ почти не ткетъ; онъ беретъ за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большаго искусства; онъ производитъ: адрасъ, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей; второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ мулла и не посылаетъ—развѣ при исключитель-

ныхъ обстоятельствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано туеядство, зашибаніе ни за что денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медресе.

Таджики принадлежатъ къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ официально, принадлежитъ вообще все населеніе округа, исключая евреевъ.

Среднеазиатцы, чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія «ученый среднеазиатецъ» будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ среднеазиатцу. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религіозный *«фанатизмъ среднеазиатца»* пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религіозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такія особы и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость; тѣмъ болѣе въ Средней Азіи. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваютъ на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать, они не понимаютъ фанатическаго состоянія челоуѣка. Бывшій рьяный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и

начинають заискивать расположені *неверныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ — передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ моднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсь его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени...

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ намазовъ, хожденія въ мечеть, если видитъ, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждаго своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упушеній въ отношеніи вѣры. Масса не прочь уклониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямого наблюденія, существованіемъ раисовъ), не посылать

своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачею, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одно изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался — слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большомъ ходу у туземцевъ. Имамы рассказываютъ слѣдующее: «до прихода русскихъ, когда существовала должность раиса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ раисовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много — много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась — прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тожо самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они рассказываютъ передъ народамъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этиими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы рассказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли, — а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ разсказчикъ, иногда съ плачемъ рассказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ, внимательно смотрятъ на жестикуляцію рассказчика, по

какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и рассказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ—оканчиваютъ свой рассказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ рассказчика—это правда, но смотреть на него, какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и бесплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Тѣмъ не менѣе и черни, и муллы, и купцы жаждутъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ вступить съ кафирами русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ духовенства. Сарбазы дерекололи на дворѣ медресе Тилла-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: «наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными». По азіатски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запущеніи. О благолѣшіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; исчезнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемыя на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣстъ, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ

(мечеть и медресе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности и священности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою платою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже куфическими буквами и на кожѣ газели.

Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6000 святыхъ; однако ничего у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, такъ небрежно, какъ наполненные прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религиозною цѣлью.

Г. Гребеннину, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, пришлось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: «вы русскіе. сильнѣе насъ и если бы приказали намъ перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны».

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей выстѣпъ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа,

*) На коранѣ впрочемъ видно что-то похожее на слѣды крови.

занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они знаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточивать свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ—несообразно съ ихъ натурой, требующей большаго круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подѣ силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашетъ.

Имѣя возможность дешево пріобрѣсть работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ руководитъ ими и занимается посторонними дѣлами. Самъ таджикъ обрабатываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковыя таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

Въ Средней Азіи вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастеровскихъ на широкую ногу, съ затратою большаго капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими размѣрами, разбивается по рукамъ, не группируется въ одно мѣстѣ.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и. что весьма

важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе пріемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ.

Если дать таджику *устъ* (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на юту не отойдетъ отъ образца. Таджикъ перемѣняетъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилая рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополеваго дерева, заказанный русскимъ мастеровымъ Самарканда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 а иногда и дешевле.

Таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчь и мыла, шорнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало.

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ немислимъ, кромѣ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольку чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджи-

*) Литье колокола (въ Катъ-Курганѣ), плиты и проч.

ка, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ на сколько хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣряѣе—торгашемъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ—исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ деньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яйца, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но за то на вырученныя деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручить плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получить барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастья открываетъ свою лавочку, а не то — становится джалляпъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товару на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носитъ товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а разъѣзжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многие изъ одержимыхъ маніей быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не

достигнувъ завиднаго положенія «бая»; многие отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣновъ разоряются въ конецъ; ихъ мѣста занимаютъ другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардекеровъ (работниковъ) и проч., съ затаенною мыслию опять когда нибудь быть торгашемъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ — довольство весьма незначительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

Купецъ-таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ сумѣетъ обернуть его разъ десять и даже больше.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, суетливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнливой, беззаботной; обѣ крайности въ ней уживаются какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе — что онъ до крайности дѣятеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ, другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполне преданномъ расчету, дѣлу. Какъ объяснить происхожденіе этой видимой разногласицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣетъ извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, наприимѣръ, что-либо приобрести, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствуетъ ни усталы, ни жары, ни холода, и — что особенно странно — онъ дѣлается безстрашнымъ. дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которою онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги приобретены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превра-

щается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ бессмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такія минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка...

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его отдыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорятъ: таджикъ апатиченъ, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Заравшанскомъ округѣ, произволь людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и безпощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ, — все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повліяла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожащую передъ властями и вліятельными людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагѣ, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спроситъ: не можетъ ли онъ, напримѣръ, рассказать ему сказку, до

которыхъ таджики охотники, то онъ помянется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыжалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его спрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, «для забавы», и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполнѣ, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьевъ и даже расскажетъ то, что слушателю вовсе неинтересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачастію ходитъ, будетъ приводить своихъ друзей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахару и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему другу хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (другомъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ друзей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственного достоинства громко будетъ рассказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не звалъ, гдѣ бы посадить его, чѣмъ бы лучше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ рассказчика съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицомъ, котораго расположеніе слѣдуетъ завидовать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожеланіемъ — и прибыльнымъ. Рассказчикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, проти-

гиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете, что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: «видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюря, какъ онъ жаль мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя». Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для окружающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюремъ находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ льстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говорить ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ постороннимъ, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говоритъ. Любовь таджиковъ къ комплинтамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч., весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличить его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взявъ его, выставитъ десять такихъ же ложныхъ показаній, и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ и сторонъ дѣла доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвигаетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ извертываться путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣ-

дился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявить, что онъ *бимшара*, не имѣетъ на что купить себѣ лепешку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотрятъ какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ заработать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они — торговцы — и больше ничего!

Жизнь ближняго таджика (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызениями совѣсти — невысказано для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унижившаго себя этимъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка — для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка, — такъ рассуждаютъ среднеазіатцы. Палачъ, на рукахъ котораго при бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ, и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того пріучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлало необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякое попятное къ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба невысказана, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не разстается такъ спокойно съ жизнью, какъ среднеазіатецъ. Мы видѣли, говорятъ г. Гребенкинъ, приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное равнодушіе, совершенная покорность постигшему — вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдст-

віе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть вокругъ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазіятскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ права отнимать ее у него. пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненныхъ, изувѣченныхъ язвами; одинъ взглядъ на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ощупывали разожженныя свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: «не заживетъ!» Ни стона, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевныя страданія, то самое образовало изъ него труса, неспособнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лице смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войнъ въ Средней Азіи достаточно убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *sartq*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: «мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки — дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими? «Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджикки всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какими-то наноснымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарыты прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріателемъ; но, узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Игра, пари сильно увлекают таджиковъ. Въ каждомъ городѣ Заравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все; они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ вукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бачей.. Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣдныхъ же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завязанъ игрою.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньги на карту. Такіе присутствующіе иногда держатъ пари за кого нибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ средне-азіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ

или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сеиды) или должностью (казин, муллы, имамы и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства — на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаши и земледѣльцы всегда находятся въ зависимости отъ капитала. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцовъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, томаши, то станетъ очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ средне-азіатскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого купечество имѣетъ и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ) — за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, приемышаясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кяфировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы борющихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, приобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радехоневъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медресе, выходятъ или муллами, или муфтіями и мирзами.

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократіи ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званія томаши, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ за-

ѣдетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда осчастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всемъ рассказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила «особа», хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ осчастливленный хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнаютъ о пріѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но взойти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограничиваются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особою, и кланаясь въ поясъ, произносятъ *ассалямъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: *«алей-кумъ-ассалямъ»*. Получивъ отвѣтъ, таджикъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ среднеазіятскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ.. Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головою и протягиваетъ руку. Почтенный такую явную, публично выраженную благосклонность, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и, не разгибаясь, пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотрятъ на эту сцену съ умиленіемъ, а осчастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непремѣнно двое или трое потреплютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держатъ

стремя и вкладываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой—помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадей и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣщаютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотритъ не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, копошится. Идутъ рассказы, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклонъ всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины — сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, спрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ другу, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ банаусъ и матерію *фаране*. Только и слышится возгласы, да вздохи: «хайръ, хай!».

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ ревоме лавкамъ, чайнымъ, парик-

махерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрятъ въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ.

Праздникъ, для всѣхъ, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезенъ: всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непременно купитъ себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ — застежку, но все же купитъ что нибудь. А чуть позволяютъ средства, онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день.

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмитъ брови, подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халать, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма, онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой по нѣскольку разъ, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма навернута на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, закинувъ голову къверху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло становится съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ на-

пускаетъ на себя еще больше спѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно поглядывая на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это время въ лавку войдутъ старья, уважаемыя лица, онъ непремѣнно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить — неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе рассматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достоинствахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикующаго по косточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обнову, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь напѣшивъ свое самолюбіе, намозоливъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ прибавленіями противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать

возгласы: «хаиръ! хаиръ!» и временами прибавлять: «да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей». А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похожденія своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не даютъ никому покоя своими разказами, а имъ другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служить оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и провожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, щеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветъ на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчас же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствахъ его, какъ мусульманина: «пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ», говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пищѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ, его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

LV. УЗБЕКЪ.

Узбекъ и киргизъ по мнѣнію г. Гребенкина одно и то же, но цѣльный киргизскій типъ въ Заравшанскомъ округѣ встрѣчается только между кипчаками и ктаями. Остальные же узбеки приняли въ себя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ словъ: *Узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ господинъ. Но такъ какъ слово *бекъ* не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное, нужно допустить, что «узбеками» они назвали себя уже послѣ покоренія Средней Азіи. Если толкованіе происхожденія названія «узбеки» вѣрно, то во всякомъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелають и съумѣють имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ рукахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіянъ, или хотя и узбековъ, но которые уже не признають родовой связи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные, амлякдары, шпрзы и

проч. — это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоитъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глухыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разпаливались, эмиръ рѣшетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азіи, а слѣдовательно и нашего Заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и упирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира — по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Музаффаръ усмирилъ ихъ и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Прежде узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и минговъ. Беки такихъ крѣпостей не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожиловъ, весь Міанканъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими киплаками. Въ мирѣ они не жили между собой и не оста-

УЗБЕКИ.

САРТЫ.

вляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны рассказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ барханахъ, срывались. Можно насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возстававшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Кътаи и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: рассказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, возстать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для возстанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктаи и другіе узбеки возстававшихъ родовъ говорятъ «эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или *ирани*», и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди ихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько можно убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ.

Болѣе сильные роды удержали еще старинныя преданія о своемъ

бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питаютъ презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачуются по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говоритъ, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой рассказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвостовству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продаютъ дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ даютъ больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство, — для среднеазіятца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевыя (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, приготавливаютъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, текутъ (подкладочное полотно—астарь), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы и проч. и проч. Кроме того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ немало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудъ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или сноситъ снопы на хирманы (токъ), провѣваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—воль, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мужчина узбекъ старается ничего недѣлать; онъ развѣзается съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ расчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена на свои заработки; на выручку отъ пражы, продажи кокоповъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

Самые богатые узбеки донашиваютъ свое платье до обращенія въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдаютъ его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взросломъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуешь отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ свою будущую помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущего своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Мать и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самая пошлѣя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онъ каждый день будутъ драться и

какъ кошки царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго раза можно подумать, такъ какъ о ревности азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Мужъ по узбекски значитъ *ирекъ* — самецъ; слово *ирекъ* одинаково примѣняется къ быку, собацѣ и т. п. Несогласія между женами одного *ирека* происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены побольше имѣть вліянія на хозяйство *ирека*, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій платокъ отъ самца, а другая — худшій. «Мнѣ все равно — любить-ли меня мужъ, или не любить, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой *ирекъ* — онъ любитъ меня» — такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ женщинахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые имѣя по нѣсколькѣ женъ, (наприм. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола. Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только официально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15 — 20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котель; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; зачастую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріятели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, встрѣчается впрочемъ не во всѣхъ узбекскихъ родахъ. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти растутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвущкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у отца въ работникахъ, т. е. зарабатываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, но формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается «фатиха», но «никахъ» (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать сожителство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожителствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака* — далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтится, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, неизвѣстно; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорятъ слѣдующее: кто хочетъ жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія заравшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лицо отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно формулировано такъ: «женщина не можетъ показывать свое лицо, руки и ноги (голыя) тому, за кого она можетъ выйти замужъ»; Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ее среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточки, оборотясь къ мужчинамъ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иркекъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей — таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ по-поламъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ киплакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ

и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполне естественное сожителство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатитъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ получилъ согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ масляхатъ, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы фатиха, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепсинки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родovitости ихъ. Калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе въ заравшанскомъ округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ невѣсты, или тратой на угощенія, дѣлаемая родственниками невѣсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители невѣсты не получаютъ отъ жениха ни копѣйки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о калымѣ.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), гребешковъ

мѣдныхъ серегъ, колець, лентъ, маты на рубашки и разныхъ другихъ туземныхъ матерій, а также и фаренги (русскихъ и английскихъ) лакомства также играютъ роль: дарятъ сѣру для жеванія, изюмъ, урюкъ, медъ, куски сахару и т. п. Иногда дарятъ мясо, баранину, сало, рисъ, горохъ и другой зерновой хлѣбъ. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ калыма. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще извѣстное количество денегъ родителямъ невѣсты или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, ипаковъ и верблюдовъ.

Когда родители невѣсты получили уже отъ жениха или его родныхъ нужное по уговору количество калымнаго взноса, назначается день *никахъ-тоя* — день свадьбы.

По извѣстному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть невѣсту; но въ заравшанскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою невѣсту, но зачастую и живетъ съ ней какъ съ женою.

Свадьба совершается у отца невѣсты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачующихся, заключается у казія (обыкновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внесъ за *такую-то* столько-то. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной вѣды), молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а невѣста — женою. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же невѣсты — ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молитву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бывають и *компырь* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, жених и невеста выбирают себѣ друзей. Первый — изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая — изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отаджившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе или *томаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невесту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно сидятъ почетныя женщины, въ меньшей — молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи друзей и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодого. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжатъ, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

кушаньями, лепешками, сладями, а онъ занимать его разговорами. Разговоры бываютъ обыкновенно очень сальныя и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу встать, что сальности, которыя говорятъ между самими лучшими туземцами округа, едва ли когда могутъ быть произнесены самими отпѣтыми мужчинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10—30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставить неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатыя; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ которой находится брачная постель, убирается всѣмъ приданнымъ невесты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши, и ичеги. При восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми приходится до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; причемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значитъ; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которыя, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ прини-

мается во вниманіе: жилъ-ли мужъ съ женою будучи еще ея женихомъ; о сожителствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: «жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной, — все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена она свободна» и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ черезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при

введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодого; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домѣ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужняя узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четыре дѣтей.

Во все время раздѣльнаго сожителства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.
Этнографическіе очерки	1
СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
I. Великоруссы	2
II. Малоруссы	18
III. Бѣлоруссы	43
IV. Поляки	58
ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.	
V. Литовцы и Жмудины	77
VI. Латыши	90
ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
VII. Финны	100
VIII. Эсты или эстонцы	114
IX. Ливы	118
X. Карелы	120
XI. Мордва	121
XII. Вотяки	141
XIII. Зыряне	153
XIV. Черемисы	161
XV. Пермяки	187
XVI. Вогулы	190
<hr style="width: 20%; margin: 0 auto;"/>	
XVII. Евреи	192

	СТРАН.
XVIII. Молдоване (румыны)	217
XIX. Цыгане	227
XX. Болгары	237
XXI. Греки	250
ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.	
XXII. Казанскіе татары	252
XXIII. Сибирскіе татары	264
XXIV. Крымскіе татары	277
XXV. Башкиры	303
XXVI. Мещеряки	310
XXVII. Тевтяри	314
XXVIII. Чувашы	317
XXIX. Киргизы	323
КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.	
XXX. Черкесы или адыге	354
XXXI. Абхазцы или азега	364
XXXII. Ногайцы	374
XXXIII. Сванеты или Шаны	379
КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
XXXIV. Грузины	387
XXXV. Имеретинны Мингрельцы и Гурійцы	298
XXXVI. Түшинны, Пшавы и Хевсуры	410

	СТРАН.
XXXVII. Армяне 415
XXXVIII. Осетины 421
XXXIX. Курды 433
XL. Чеченцы 435
XLI. Лезгины 446

КОЧУЮЩИЕ НАРОДЫ.

XLII. Лопари 457
XLIII. Балмыкы 470

СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ.

XLIV. Остяки 485
XLV. Буряты 493

	СТРАН.
XLVI. Якуты 504
XLVII. Тунгусы и Ювагиры 517
XLVIII. Камчадалы 527
XLIX. Чукчи 531
L. Коряки 538
LI. Курильцы или Айносы 544
LII. Гиляки	—
LIII. Амурские тунгузы 546

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАРОДЫ.

LIV. Таджики 552
LV. Узбеки 566